

Мартин Лютер

О свободе христианина

Лютер М. О свободе христианина

Многие считают христианскую веру простой вещью и немало людей относят ее к добродетелям. Они делают это потому, что никогда не испытывали ее и не понимают той великой силы, которая заключается в вере. Не может хорошо написать о вере, или же понять то, что уже было о ней написано, тот, кто в то или иное время не испытывал мужества, которое вера дает человеку, сталкивающемуся с бедствиями и притеснениями. Тот же, кто вкусил хотя бы ничтожное количество веры, никогда не сможет написать, высказать, обдумать или наслушаться достаточно о ней. Это живой "источник воды, текущей в жизнь вечную", как Христос называет ее в 4-й главе Евангелия от Иоанна [14].

Что касается меня, то, хотя я имею и не так много веры, чтобы хвастаться этим, и осознаю, насколько скуден мой запас [веры], тем не менее, я надеюсь, что достиг некоторой веры, хотя и был подвергнут разным великим искушениям; и я надеюсь, что я могу обсудить это, если и не более изящно, то, несомненно, более точно и по существу, чем это уже сделали упомянутые прямодушные писатели и хитроумные спорщики.

Для того, чтобы сделать этот путь более гладким для непросвещенных, — ибо только им я и служу, — я введу две предпосылки о свободе и рабстве духа:

Христианин является совершенно свободным господином всего сущего, и не подвластен никому;

Христианин является покорнейшим слугой всего сущего, и подвластен всем;

Кажется, что два этих тезиса противоречат друг другу. Однако, если обосновать их соответствующим образом, то вместе они могли бы прекрасно служить нашей цели. Оба эти тезиса являются утверждениями самого Павла, который говорит в 1-м Послании к Коринфянам 9 [19]: "Ибо, будучи свободен от всех, я всем поработил себя", и в Послании к Римлянам 13 [8]: "Не оставайтесь должными никому ничем, кроме взаимной любви". Любовь, по самой своей природе, готова служить и быть подвластной тому, кто любим. Так и Христос, хотя и будучи Господом всего сущего, "родился от жены, подчинился закону" (Гал. 4, 4), и, таким образом, был одновременно свободным человеком и слугой, "образом Божиим" и "по виду ... как человек" (Фил. 2, 6—7).

Давайте вначале, однако, рассмотрим нечто более отдаленное от нашей темы, но более очевидное. Человек имеет двойственную природу — сущность духовную и сущность физическую. Соответственно своей духовной сущности, на которую люди ссылаются как на душу, он называется духовным, внутренним, или новым [обновленным] человеком. Соответственно своей физической сущности, на которую люди ссылаются как на плоть, он называется плотским, внешним, или ветхим человеком—человеком, о котором апостол пишет во 2-м Послании к Коринфянам 4 [16]: "Но если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется". Из-за этого различия сущностей, в Писаниях приводятся противоречивые утверждения относительно одного и того же человека, поскольку эти два человека, заключенные в одном, противоречат друг другу: "Ибо плоть желает противного духу, а дух — противного плоти", согласно (Гал. 5 [17]).

Сначала давайте рассмотрим внутреннего человека, чтобы увидеть, насколько праведным, свободным и благочестивым становится христианин, когда духовный, новый, внутренний человек становится его сущностью. Очевидно, что извне ничто не оказывает никакого влияния на формирование христианской праведности или свободы, или же на формирование неправедности, или рабства. Это утверждение можно доказать, приведя простой аргумент. Какая польза душе от того, что тело находится в добром здравии, свободно и дееспособно, ест, пьет и делает все, что ему угодно? Ибо в этом всем могут преуспевать даже самые безбожные рабы порока. С другой стороны, как плохое здоровье,

заклучение, или голод, или жажда, или любые другие внешние бедствия могут повредить душе? Даже самые благочестивые люди и люди свободные, потому что имеют чистую совесть, подвержены всем этим вещам. Ничто из перечисленного не затрагивает ни свободы, ни рабства души. Душе не легче от того, что тело украшено священными одеждами проповедника, или обитает в священных местах, или занимается исполнением священных обязанностей, молитв, постов, воздержанием от каких-то определенных разновидностей пищи, или же исполняет какую-то работу, которая может быть сделана телом или в теле. Праведность и свобода души требует чего-то совершенно другого, поскольку все упомянутое может быть исполнено любым порочным человеком. Такие деяния не производят ничего, кроме лицемерия. С другой стороны, если тело одето в светские одежды, живет в неосвященных местах, ест и пьет так, как это делают другие, не молится вслух и пренебрегает исполнением всего того, что делают лицемеры, то душе это не причинит вреда.

Более того, отказ от всевозможных дел, даже от таких, как созерцание, размышление и от всего, что способна делать душа, не приносит облегчения. Одно, только одно необходимо для христианской жизни, праведности и свободы. И это — святейшее слово Божье, Евангелие Христа, как говорит Христос в (Ин. II [25]): "Я есмь воскресение и жизнь; верующий в Меня, если и умрет, оживет" и в (Ин. 8 [36]): "Итак, если Сын освободит вас, то истинно свободны будете", и в (Мф. 4 [4]): "Не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих". Давайте же будем считать твердо доказанным, что душа может обойтись без всего, за исключением Слова Божьего, и что где Слово Божье отсутствует, там нет никакого облегчения для души. Если она имеет Слово Божье, она богата и не нуждается ни в чем, поскольку это Слово жизни, истины, света, мира, праведности, спасения, радости, свободы, мудрости, силы, милости, славы и всевозможных неисчислимых благословений. Вот почему во всем 118 Псалме и во многих других местах [Писания] пророк жаждет Слова Божьего и вздыхает по нему, используя столь много эпитетов для его описания.

С другой стороны не существует более ужасного несчастья, которое гнев Божий может обрушить на человека, нежели жажда слышания Его Слова, как Он говорит в Книге пророка Амоса [8, 11]. И нет большей милости, чем когда Он посылает Свое Слово, как мы читаем в Псалме 106 [20]: "Послал слово Свое и исцелил их и избавил их от могил их". Христос был послан в мир сей ни для какого другого служения, кроме служения Слова. Более того, все духовное сословие — все апостолы, епископы и священники — были призваны и учреждены только для служения Слова.

Вы можете спросить: "Что же тогда это такое — Слово Божье — и как им пользоваться, ежели существует такое множество слов Божьих?" Я отвечаю: апостол объясняет это в Первой главе Послания к Римлянам. Слово — это Благовестие Божье о Сыне Его, явившемся во плоти, пострадавшем, воскресшем из мертвых и прославленном освящающим Духом [Святым]. Проповедовать Христа — это значит питать душу, делать ее праведной, освобождать ее и спасать ее, при условии, что она верует в то, что проповедуется. Одна лишь вера является спасительным и действующим применением Слова Божьего, согласно Посланию к Римлянам 10 [9]: "Если устами твоими будешь исповедовать Иисуса Господом и сердцем твоим веровать, что Бог воскресил Его из мертвых, то спасешься". Более того: "Конец закона — Христос, к праведности всякого верующего" (Рим. 10, 4). И опять в Послании к Римлянам 1 [17]: "Праведный верою жив будет". Слово Божье не может быть принято и возвращено никакими на свете делами, но только лишь верой. Таким образом, ясно, что как душа нуждается только в Слове Божьем для своей жизни и праведности, так она оправдывается одной лишь верой и не оправдывается никакими делами. Ибо если бы она могла быть оправдана чем-либо другим, она не нуждалась бы в Слове, а следовательно, она не нуждалась бы и в вере.

Такая вера не может существовать в сочетании с делами, — если вы претендуете на оправдание делами, какими бы они ни были, — то это то же самое, что "хромать на оба колена" (ЗЦар. 18, 21), как, например, служение Ваалу и целование собственной руки (Иов.

31, 27—28), что, по словам Иова, является великим преступлением. Таким образом, в тот момент, когда в вас зарождается вера, вы узнаете, что все, существующее в вас, целиком и полностью грешно, достойно порицания и проклятия, как апостол говорит в Послании к Римлянам 3 [23]: "Потому что все согрешили и лишены славы Божией" и "Нет праведного ни одного... все совратились с пути, до одного негодны..." (Рим. 3, 10—12). Поняв это, вы узнаете, что вы нуждаетесь в Христе, Который пострадал и снова воскрес для вас, так что, если вы веруете в Него, вы можете этой верой стать новым человеком, поскольку ваши грехи прощены и вы оправданы заслугами Другого, — а именно только лишь добродетелями Христовыми.

Поскольку, таким образом, эта вера может править только во внутреннем человеке, как говорится в Послании к Римлянам 10 [10]: "Потому что сердцем веруют к праведности, а устами исповедуют ко спасению", и поскольку только лишь вера оправдывает, ясно, что внутренний человек не может быть оправдан, освобожден или спасен какими-либо внешними делами, или вообще действиями, и что эти дела, какого бы они ни были свойства, не могут ничего сделать с этим внутренним человеком. С другой стороны, только безбожие и неверие сердца, и никакое другое дело, делают его виновным и достойным проклятия рабом греха. Посему первой заботой каждого христианина должно быть откладывание в сторону всяческой уверенности в [добрых] делах [13] и укрепление одной лишь веры, и через веру — возрастание в познании не дел, но Христа Иисуса, Который пострадал и воскрес для него, как учит Петр в последней главе своего Первого Послания (1Пет. 5, 10). Никакое другое дело не может сделать [человека] христианином. Таким образом, когда иудеи спрашивали Христа, как об этом сказано в Евангелии от Иоанна 6 [28], что им делать, "чтобы творить дела Божий?", Он отшел в сторону то огромное множество дел, которое Он видел, что они делали, и предложил [им] одно дело, сказав: "Вот дело Божие, чтобы вы веровали в Того, Кого Он послал" (Ин. 6, 29); "ибо на Нем положил печать Свою Отец, Бог" (Ин. 6, 27).

Таким образом, истинная вера во Христа — это несравненное богатство, которое приносит с собой полное спасение и избавляет человека от всяческого зла, как говорит Христос в последней главе Евангелия от Марка (16, 16): "Кто будет веровать и креститься, спасен будет; а кто не будет веровать, осужден будет". Исаия предвкушает это сокровище и пророчесствует о нем в 10-й главе: "Господь пошлет маленькое и всепоглощающее слово на землю и земля будет изобиловать праведностью" [Сравн. с Ис. 10, 22]. Он как бы говорит: "Вера, которая является легким и совершенным исполнением закона, наполнит верующих столь великой праведностью, что они не будут нуждаться более ни в чем для того, чтобы стать праведными". Так Павел говорит в Послании к Римлянам 10 [10]: "Ибо человек верует сердцем своим и потому оправдан" [14].

Если вы хотите спросить, — как это может быть, что лишь вера оправдывает и предлагает нам такое множество великих благ, без дел, и при этом столь многие дела, церемонии и правила предписаны нам в Библии, я отвечаю: Прежде всего, помните, что было сказано, а именно, что одна лишь вера, без дел, оправдывает, освобождает и спасает; мы поясним это позже. Здесь мы должны подчеркнуть, что все Писание Божье разделено на две части: заповеди и обетования. Хотя заповеди и учат тому, что хорошо, то, чему они учат, не исполняется сразу же, ибо заповеди показывают, что нам следует делать, но не дают нам сил делать это. Они предназначены для того чтобы учить человека познавать себя, чтобы через них он мог признать свою неспособность совершать доброе и мог полностью разочароваться в своих способностях. Вот почему они названы Ветхим Заветом и составляют Ветхий Завет. Например, заповедь: "Не пожелай [чужого]" (Исх. 20, 17) доказывает, что все мы грешники, ибо ни один [из нас] не может избежать желаний обрести что-то чужое, сколько бы он сам с этим ни боролся. Таким образом, пытаясь не пожелать и исполнить заповедь, человек вынужден прийти в отчаянье от самого себя, и искать помощи, которой он не находит ни в себе, ни в ком-то другом, как [об этом] сказано в Книге Осии (13, 9): "Погубил ты себя, Израиль, ибо только во Мне — опора твоя!". Как мы далеки от [возможности] исполнения [этой] одной заповеди, так мы далеки от них [от исполнения их] всех, ибо для нас одинаково

невозможно исполнить любую из них.

Теперь, когда человек изучил заповеди для того, чтобы признать свою беспомощность, и когда он мучается мыслью о том, как же можно исполнить закон, — поскольку закон должен быть исполнен до последней буквы, в противном случае человек обречен на безнадежное проклятие, — теперь, став воистину смиренным и ничтожным в собственных глазах, он не находит в себе ничего, посредством чего он мог бы быть оправдан и спасен. И вот здесь вторая часть Писания приходит к нам на помощь, а именно — [здесь появляются] обетования Божьи, провозглашающие славу Его, говоря: "Ежели ты хочешь исполнить закон и 'не пожелать', как заповедует закон, приди, уверуй в Христа, в Котором благодать, праведность, мир, свобода и все [подобное] обетованно тебе. Если вы уверуете, то обретете все; если вы не уверуете, то все потеряете". То, чего вы не можете достичь, пытаясь [самостоятельно] исполнить все дела закона, — которых много и которые все [должны быть] бескорыстны, — вы быстро и легко достигаете через веру. Бог, Отец наш [Небесный], все поставил в зависимость от веры, так что каждый, кто имеет веру, будет иметь [все], тот же, кто не имеет веры, не будет иметь ничего. "Ибо всех заключил Бог в непослушание, чтобы всех помиловать", как сказано в Послании к Римлянам II [32]. Таким образом, обетования Божьи дают то, что заповеди Божьи требуют, они исполняют то, что закон предписывает, чтобы все сущее могло быть только Божьим, — как заповеди, так и исполнение заповедей. Он один заповедует и Он один исполняет. Таким образом, обетования Божьи принадлежат Новому Завету. В самом деле, они являются Новым Заветом.

Поскольку эти обетования Божьи являются святыми, истинными, праведными, свободными и мирными словами, наполненными добродетелью, душа, которая примкнет к ним с твердой верой, будет столь близко слита и поглощена ими, что она не только разделит с ними всю их силу, но они просто насытят и опьянят ее. Если прикосновение Христа целительно, то насколько же это нежное духовное прикосновение, это всепоглощение Слова будет сообщать душе все, что принадлежит Слову. Вот каким образом только через веру и без дел душа оправдывается Словом Божьим, освящается, делается истинной, спокойной и свободной, исполняется всеми благословениями и воистину делается чадом Божьим, как говорится в Евангелии от Иоанна (1, 12): "А... верующим во имя Его, дал власть быть чадами Божиими".

Из сказанного легко понять — в каком источнике вера черпает столь великую силу и почему доброе дело или все добрые дела вместе не могут соперничать с ней. Никакое доброе дело не связано со словом Божьим и не живет в душе, ибо в душе правят только вера и Слово Божье. Точно так же, как расплавленное железо пылает, как огонь, потому, что огонь соединен с ним, так и Слово передает свои качества душе. Понятно тогда, что христианин имеет все, что ему нужно в вере, и не нуждается ни в каких делах для оправдания себя; и если ему не нужны дела, то он не нуждается и в законе; а если он не нуждается в законе, то, конечно же, он свободен от закона. Воистину "закон положен не для праведника" (1 Тим. 1, 9). Это [и есть] та самая христианская свобода—наша вера, которая действует не для того, чтобы побудить нас жить праздно или порочно, но делает закон и дела ненужными для праведности и спасения любого человека.

В этом состоит первая сила веры. Давайте теперь исследуем также и вторую ее сильную сторону. Еще одно свойство веры заключается в том, что она может быть проявлена только по отношению к тому, кому мы доверяем с наибольшим почтением и высшим уважением, поскольку считаем его верным и достойным доверия. Не существует другого такого [т. е. равного вере] признания верности и праведности, которым мы удостаиваем того, на кого полагаемся [15]. Можем ли мы приписать человеку что-то большее, чем преданность, праведность и совершенное великодушие? С другой стороны, мы не можем выразить большего презрения к человеку, чем отнести к нему как к лживому и безнравственному и подозревать его, как мы делаем, когда не доверяем кому-то. Таким образом, когда душа твердо уповает на обетования Божьи, она относится к Нему как к верному и праведному. Более прекрасного отношения к Богу не может быть. Высочайшее

поклонение Богу заключается в том, что мы признаем Его верность, праведность и все, что может быть приписано тому, на кого мы полагаемся. Когда это делается, душа подчиняется Его воле. Затем она святит Его имя и позволяет поступать с собой в соответствии с благой волей Божьей, ибо, примыкая к обетованиям Божьим, она не сомневается, что Он, будучи правдивым, справедливым и мудрым, исполнит, совершит и устроит все хорошо.

Разве не такой верой душа проявляет свою покорность Богу во всем? Для исполнения какой заповеди не требуется подобной покорности? Что может быть более полным исполнением [заповедей], нежели повиновение во всех отношениях? Это повиновение, однако, не достигается делами, но лишь только верой. С другой стороны, что может быть проявлением большей непокорности Богу, что является большей безнравственностью и проявлением большего презрения по отношению к Богу, нежели недоверие к Его обетованиям? Ибо что есть неверие, если не объявление Бога лжецом, или сомнение в том, что Он верен? Разве это не приписывание верности себе самому, а лжи и тщеславия Богу? Разве человек, поступающий так, не отрицает Бога и не учреждает себя самого идолом в своем сердце? Тогда что же хорошего от этих дел, совершенных в таких беззакониях, даже если они являются делами ангелов и апостолов? Таким образом, Бог справедливо поставил все в зависимость не от гнева или похоти, но от неверия, чтобы те, кто полагают, что могут исполнить закон, совершая целомудренные и милостивые дела, требуемые законом (человеческие добродетели), не могли быть спасены. Они подпадают под такой грех, как неверие, и либо должны просить милости, либо будут справедливо осуждены.

Однако, когда Бог видит, что мы считаем Его верным и истинным и верой своего сердца воздаем Ему величайшую честь, которая Ему причитается, Он воздает нам великую честь, считая нас верными и праведными, ради нашей веры. Вера производит истину и праведность, воздавая Богу то, что принадлежит Ему. Таким образом, Бог, в ответ, прославляет нашу праведность. Истинно и справедливо, что Бог верен и праведен, и [следовательно] восприятие и исповедывание Его таковым — равнозначно верности и праведности исповедующего ". Соответственно, Он говорит в 1-й Книге Царств 2 [30]: "...Я прославлю прославляющих Меня, а бесславящие Меня будут посрамлены". Также и Павел говорит в Послании к Римлянам 4 [3], что вера Авраама вменилась ему в праведность, потому что ею [верой] он воздал высшую славу Богу, и что по этой же самой причине наша вера будет засчитана нам в праведность, если мы веруем.

Третья несравненная польза от веры состоит в том, что она объединяет душу со Христом, как невеста объединена со своим женихом. Посредством этого таинства, как учит апостол, Христос и душа [верующего] становятся одной плотью (Ефес. 5, 31—32). И если они одна плоть и между ними [заключен] законный брак, — воистину совершеннейший из всех браков, поскольку браки человеческие есть жалкое подобие этого истинного брака, — за этим следует, что все, что они имеют, становится у них общим — как добро, так и зло. Соответственно, верующая душа может хвалиться всем, что имеет Христос, и славить это, как свое собственное. Христос же считает Своим все, что принадлежит душе [верующего], Давайте сравним [то, что они имеют] и мы увидим неоценимую [для себя] выгоду. Христос исполнен благодати, жизни и спасения. Душа же [человека] полна грехом, смертью и проклятием. Теперь стоит вере установиться между ними, как грех, смерть и проклятие становятся Христовыми, и, в то время, благодать, жизнь и спасение переходят к душе. Ибо если Христос — Жених, Он должен взять на Себя то, что принадлежит Его невесте и даровать ей то, что принадлежит Ему. Если Он отдает ей Свое тело и Самого Себя, то как же Он может не дать ей всего, что Ему принадлежит? И если Он принимает тело Своей невесты, как же он может не принять того, что принадлежит ей?

Здесь мы имеем прекраснейший образ не только общения, но и благословенной борьбы, победы, спасения и искупления. Христос — Бог и Человек в одной личности. Он не грешил и не умирал, и не был проклят. И он не может грешить, умереть или быть проклят; Его праведность, жизнь и спасение непобедимы, вечны, всемогущи. Обручальное кольцо веры приносит Ему в собственность грехи, смерть и адские муки, принадлежащие Его

невесте. Как само собой разумеющееся Он присваивает их Себе и действует так, как будто они были Его собственностью, — как будто он Сам согрешил; Он пострадал, умер и сошел в преисподнюю для того, чтобы преодолеть всех их. Теперь же, поскольку был Тот, Кто совершил все это, и [поскольку] смерть и ад не могут поглотить Его, они были неизбежно поглощены Им в огромной битве; ибо Его праведность величественнее, чем грехи всех людей, Его жизнь сильнее смерти, Его спасение неуязвимее ада. Таким образом, верующая душа — обетованием веры — свободна во Христе, своем Женихе, свободна от всех грехов, неуязвима для смерти и ада и наделена вечной праведностью, жизнью и спасением Христа, своего Жениха. Таким образом, Он берет Себе славную невесту без пятна и порока, очистив ее банею водною, посредством Слова (Сравн.: Ефес. 5, 26—27) жизни, то есть верой в Слово жизни, праведности и спасения. Так он обручает ее Себе в правде и суде, в благодати, милосердии и верности, как сказано в Книге Осии 2 [19—20].

Кто же тогда может полностью оценить значение этого царственного брака? Кто может осмыслить все богатства славы этой благодати? Богатый и божественный Жених Иисус вступает в брак с бедной, испорченной проституткой, избавляет ее от всех ее пороков и украшает ее всеми Своими добродетелями. Ее грехи не могут теперь уничтожить ее, поскольку они возложены на Христа и поглощены Им. И она имеет эту праведность во Христе, своем муже, которым она может гордиться, как своим собственным, и которого перед лицом смерти и ада она может с уверенностью "предъявить" вместе со своими грехами, и сказать: "Если я согрешила, то мой Христос, в которого я верую, не согрешил. И все, что принадлежит Ему, — [также и] мое, все же, что мое, — принадлежит [также и] Ему", как говорит невеста в Книге Песни Песней Соломона (2, 16): "Возлюбленный мой принадлежит мне, а я ему". Это как раз то, что имеет в виду Павел, когда говорит в 1-м Послании к Коринфянам 15 [57]: "Благодарение Богу, даровавшему нам победу Господом нашим Иисусом Христом!", то есть победу над грехом и смертью, и как он говорит также: "Жало же смерти — грех; а сила греха—закон" (1 Кор. 15, 56).

Отсюда вы еще раз видите, что многое приписывается вере, а именно — то, что лишь она одна может исполнить закон и оправдать без дел. Вы видите, что первая заповедь, которая гласит: "Да не будет у тебя других богов, кроме Меня", может быть исполнена только верой. Даже если бы вы полностью, с головы до ног состояли бы из одних добрых дел, вы все равно не были бы праведными, не служили бы Богу и не исполнили бы первой заповеди, поскольку Богу невозможно служить по-другому, кроме как приписывая Ему всю верность и все добродетели, которые принадлежат Ему по праву. Это невозможно исполнить делами, но только лишь верой сердца. Не совершая дел, но веруя, мы прославляем Бога и признаем Его верность и праведность. Поэтому только вера является праведностью христианина и исполнением всех заповедей [Божьих], ибо тот, кто [таким образом, т. е. верой] исполняет первую заповедь, без труда может исполнить и все остальные.

Безжизненные же дела не могут прославить Бога, впрочем они могут, при наличии веры, исполняться во славу Божью. Здесь, однако, мы интересуемся не тем, какие дела совершены, что они представляют собой, но тем, что совершает их, — что прославляет Бога и побуждает к совершению этих дел. Это делается верой, обитающей в сердце и являющейся источником и сущностью всей нашей праведности. Таким образом, слепа и ужасна доктрина, которая учит, что заповеди должны быть исполнены делами. Заповеди должны быть исполнены до того, как могут быть совершены любые дела, и дела происходят от исполнения заповедей (Рим. 13, 10), как мы увидим это в дальнейшем.

Для того, чтобы более глубоко исследовать ту благодать, которую наш внутренний человек имеет во Христе, мы должны понять, что в Ветхом Завете Бог посвятил Себе всех первенцев мужского рода. Первородство было предметом высшего вожделения, потому что оно предполагало двойную честь: священство " и царство. Первороденный брат был священником и господином над всеми остальными, — вроде Христа, — истинного и едиnorodного от Бога Отца и Девы Марии и истинного царя и первосвященника, но не по плоти и миру, ибо Его царство не от мира сего (Ин. 18, 36). Он царствует в небесных,

духовных сферах [областях] и освящает их, — Ему подвластны такие явления, как праведность, истина, мудрость, мир, спасение и т. п. Но это не значит, что все сущее на земле и в преисподней неподвластно ему, — иначе как Он мог бы защищать и спасать нас от всего этого? Но это Его царство не заключается в этом и не включает этого в себя. Так же, как Его священство не состоит во внешнем великолепии одежд и жестов или поз, подобно тому, как это было в человеческом священстве Аарона и в церкви наших дней, но оно состоит в тех духовных вещах, через которые Он, Своим невидимым служением, ходатайствует о нас на Небесах пред Богом, предлагает Себя в жертву и исполняет все, что священник должен делать, как Павел описывает Его, — "Первосвященником по чину Мелхиседека" в Послании к Евреям (Евр. 6—7). Он не только молится и ходатайствует за нас, но Он учит нас духовно, живым наставлением Своего Духа, отправляя тем самым две истинные функции священника, видимыми разновидностями которых являются молитвы и проповеди человеческих священников.

Как Христос, по первородству Своему, обрел два этих исключительных права, так Он наделяет ими и делится ими с каждым, кто верует в Него, в соответствии с законом вышеупомянутого брака, по которому жена обретает все, что принадлежит мужу. Следовательно, все мы, верующие во Христа, являемся священниками и царями во Христе, как говорится в 1-м Послании Петра 2 [9]: "Но вы — род избранный, царственное священство, народ святой, люди взятые в удел, дабы возвещать совершенства Призвавшего вас из тьмы в чудный Свой свет".

Сущность этого священства и царства заключается как бы в следующем: Во-первых, по отношению к царству, каждый христианин верой [своей] столь превознесен надо всем сущим, что, благодатью духовной силы, он является господином всего без исключения, так что ничто не может причинить ему никакого вреда. Фактически все подчинено ему и вынуждено служить ему в обретении спасения. Соответственно, Павел говорит в Послании к Римлянам 8 [28]: "... Призванным по Его изволению, все содействует ко благу" и в 1-м Послании к Коринфянам 3 [21—23]: "... Ибо все ваше: ... жизнь, или смерть, или настоящее, или будущее, — все ваше; вы же — Христовы...". Это не значит, что каждый христианин поставлен надо всем сущим, владеет и управляет им физически, — это безумие, от которого страдают некоторые церковники, — ибо такая власть принадлежит царям, князьям и другим [подобным] людям на земле. Обычный наш жизненный опыт показывает, что мы повинемся всем, страдаем от многого и даже до смерти. Фактически, чем более зрелым и убежденным христианином является человек, тем больше зла, страданий и смерти выпадает на его долю, что мы видим на примерах Самого Христа, — первородного Князя, — и всего Его братства. Власть, о которой мы говорим, является духовной. Она действует среди врагов и во времена притеснений. Это означает не что иное, как то, что выражено словами: "сила Моя совершается в немощи" (2Кор. 12, 9) и что во всем происходящем я могу найти то, что способствует моему спасению (Рим. 8, 28), так, что даже крест и сама смерть вынуждены служить мне и содействовать моему спасению. Это превосходная привилегия, которой не так легко добиться, истинное всемогущество, духовное владение, в котором не существует таких характеристик, как хорошее" или "плохое", но все содействует ко благу мне, если только я верую. Да, поскольку одной лишь веры достаточно для спасения, я не нуждаюсь ни в чем более, кроме веры, проявляющей силу и суверенное право своей собственной свободы. О, это воистину бесценная сила и свобода христиан!

Мы не только свободнейшие из царей, но также и вечные священники, это еще превосходнее, чем быть царем, ибо как священники, мы достойны предстать пред Богом, чтобы молить о других и учить друг друга божественным истинам. В этом состоят обязанности священников, и они не могут быть поручены неверующему. Таким образом, Христос даровал нам возможность веровать в Него, чтобы мы могли быть не только Его братьями, сонаследниками и царями, подобными Ему, но также и подобными Ему священниками. Таким образом, мы можем смело войти в присутствие Божье в духе веры (Евр. 10, 19 и 22) и с восклицанием "Авва, Отче!" молиться друг за друга и делать все, что

существует и предзнаменуется во внешних и видимых делах священников.

Тому же, однако, кто не верует, ничто не служит ". Ничто не содействует ему во благо, но он сам раб всего, и все оборачивается неудачей для него, потому что он порочно и безнравственно использует обстоятельства для достижения собственной выгоды, а не во славу Богу. Таким образом, он не священник, но порочный и развращенный человек, чья молитва становится грехом и который никогда не входит в присутствие Божье, потому что Бог не слушает грешников (Иоан. 9, 31). Кто же тогда может объять своим разумом высокое достоинство христианина? Пользуясь своей царственной властью, он правит над всем: над смертью, жизнью и грехом, и, имея священническую славу, он всемогущ вместе с Богом, потому что он делает то, что просит и желает Бог, как написано: "Желание боящихся Его Он исполняет, вопль их слышит, и спасает их" [19] (сравн. Филипп. 4, 13). Этой славы человек достигает, конечно, не какими-то своими делами, но только лишь верой.

Из этого любой может отчетливо понять, почему [20] христианин свободен от всего и стоит над всем, так что не нуждается ни в каких делах для обретения праведности и спасения, поскольку одна лишь вера обильно дарует все это. Стоит ему, однако, по глупости попытаться стать праведным, свободным, спасенным христианином путем [совершения] какого-то доброго дела, он моментально потеряет веру и все, что она дает ему. Удачная иллюстрация такой глупости — басня о собаке, которая, пробегая мимо ручья с куском мяса в зубах, замечает отражение этого мяса в воде и, впав в заблуждение, открывает пасть, пытаясь схватить это отражение, в результате чего теряет и мясо, и его изображение.

Вы спросите: "Если все, кто в церкви являются священниками, то чем же те, кого мы называем священниками, отличаются от мирян?" Я отвечаю вам: Это несправедливо, когда слова "священник", "церковник", "духовный" или "духовенство" применяются не ко всем христианам, а лишь к тем немногим, кто сейчас ошибочно и вредно называется "духовенством". Святое Писание не делает различий между ними, хотя оно и дает такие имена, как "служитель", "слуга", "управляющий" тем, кто теперь гордо называет себя папами, епископами и господами и кто должен, в соответствии со своими пастырскими обязанностями, служить другим и учить их вере Христовой и Свободе верующих. Хотя все мы являемся равными священниками, мы не можем все публично служить и учить. Нам не следовало бы делать так, даже если бы мы и могли. Павел пишет об этом в 1-м Послании к Коринфянам 4 [1]: "Итак, каждый должен разуметь нас, как служителей Христовых и домостроителей тайн Божиих".

Эта должность управляющего, однако, теперь превратилась в столь великое проявление власти и столь ужасную тиранию, что никакая языческая империя или другая земная власть не может быть сравнима с ней, как будто миряне не такие же христиане. В результате этого извращения знание о христианской благодати, вере, свободе и о Самом Христе совершенно погибло, а его место было занято невыносимым рабством человеческих дел и законов, пока мы не стали подобными тем, о ком говорит Иеремия в Книге Плача (1),—рабами злейших людей на земле, которые угнетают нас и заставляют служить только своей низкой и порочной воле.

Возвращаясь к нашей цели, я полагаю, что теперь нам ясно, что недостаточно (и во всех отношениях не по-христиански) проповедовать дела, жизнеописание и слова Христа [только лишь] как исторические факты, — как будто знание этого может быть достаточным руководством к жизни. Тем не менее, это совершенно типичное явление среди тех, кто сегодня должен считаться нашими лучшими проповедниками. Еще более недостаточно и не по-христиански не говорить вообще ничего о Христе и учить, вместо этого, законам человеческим и декреталиям отцов [церкви]. Сейчас немало тех, кто проповедует Христа и рассказывает о Нем в таком ключе, что это вызывает у людей сочувствие Христу, гнев против иудеев [за то, что они распяли Его 1 и тому подобные детские, нелепые представления. Скорее следует проповедовать Христа полностью, чтобы вера в Него могла укрепляться, чтобы Он мог быть не просто [абстрактным] Христом, но Христом для вас и для меня, и чтобы то, что сказано о Нем, и то, что заключается в Его имени, могло быть

действующей силой внутри нас. Такая вера порождается и поддерживается в нас проповедью о том, зачем Христос пришел, что Он принес и даровал, какая польза нам от принятия Его. Это осуществляется, когда христианская свобода, которую Он дарует, преподается правильно и перед нами раскрывается то, в каком смысле мы, христиане, являемся царями и священниками, а следовательно — господами всего сущего, и можем твердо верить, что все, что бы мы ни сделали, угодно и приемлемо пред лицом Божиим, как я уже говорил.

Какой человек, услышав все это, не возрадуется всем своим сердцем и, приняв это утешение, не расчувствуется и не полюбит Христа так, как он никогда не смог бы сделать этого посредством любых законов и добрых дел? Кто может повредить такому сердцу или запугать его? Если знание о грехе или страх смерти врываются в него, оно готово уповать на Господа. Оно не пугается, когда слышит дурные вести. Оно не волнуется при виде своих врагов. Все это потому, что оно верует, что ему принадлежит праведность Христова, и что его грех не его, но Христов, и что весь грех праведностью Христовой поглощен. Это, как уже отмечалось выше, является неминуемым следствием веры во Христа. Итак, сердце учится насмехаться над смертью и грехом и говорить вместе с апостолом: "Смерть! где твое жало? ад! где твоя победа?" Жало же смерти — грех; а сила греха — закон. Благодарение Богу, даровавшему нам победу Господом нашим Иисусом Христом!" (1Кор. 15, 55—57). Смерть поглощена не только победой Христа, но также и нашей победой, потому что верой [в Него] Его победа стала нашей, и в этой вере мы также являемся победителями.

Пожалуй, уже достаточно сказано о внутреннем человеке, о его свободе и об источнике этой свободы, — праведности, обретаемой верой. Он не нуждается ни в законах, ни в добрых делах, и даже наоборот, — они вредят ему, если он полагает, что оправдывается ими.

Теперь давайте обратимся ко второй части—к человеку внешнему. Здесь мы ответим всем, кто, будучи задет словом "вера" и всем, что было сказано, спрашивает теперь: "Если вера производит все и ее одной достаточно для обретения праведности, то почему же тогда [нам] заповеданы добрые дела? Мы не будем утруждаться, Оставим все добрые дела и удовлетворимся верой". Я отвечаю: Нет, дорогие мои, так не пойдет. Это действительно было бы правильно, если бы мы были полностью внутренними, совершенно духовными людьми. Но такими мы станем только в последний день — в день воскресения мертвых. Поскольку мы живем во плоти, мы только начинаем делать кое-какие успехи в том, что будет завершено в последующей жизни ". Поэтому апостол в Послании к Римлянам 8 [23] говорит, что мы имеем лишь "начаток Духа", и мы действительно примем больше, — и даже всю полноту Духа, — в будущем. Это же подтверждает и сказанное выше, — а именно то, что христианин является слугой всех и всему подвластен. Поскольку он свободен, он не совершает дел [закона], но поскольку он слуга, он исполняет все дела. Как это возможно — мы увидим в дальнейшем.

Хотя, как я уже сказал, человек в достаточной мере оправдан верой внутренне, в своем духе, и потому имеет все, в чем нуждается, хотя при этом его вера и все эти богатства должны возрастать изо дня в день, до самой будущей жизни, тем не менее, он живет этой смертной, земной жизнью. В этой жизни он должен управлять своим собственным телом и общаться с [другими] людьми. Здесь и начинаются дела. Здесь человек не может вести праздный образ жизни; здесь он должен действительно заботиться об усмирении своей плоти путем постов, бдений, трудов и других разумных методов и о подчинении ее Духу, чтобы она повиновалась и сообразовывалась с внутренним человеком и с верой, и чтобы она не восставала против веры и не препятствовала внутреннему человеку, что свойственно плотской сущности, если ее не сдерживать. Внутренний человек, который верой создан по образу Божьему, жизнерадостен и счастлив, благодаря Христу, в Котором столь много добродетелей было передано ему; и потому его единственным занятием является радостное и бескорыстное служение Богу, в непринужденной, свободной любви.

В то время, как он делает это, он сталкивается с противодействием в своей собственной плоти, которая стремится служить миру и ищет собственной выгоды. Этого дух веры не может терпеть, но с радостным усердием он пытается подчинить плоть и держать ее в

повиновении, как говорит Павел в Послании к Римлянам 7 [22—23]: "Ибо по внутреннему человеку нахожу удовольствие в законе Божиим; но в членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего и делающий меня пленником закона греховного", и в другом месте: "Но усмиряю и порабощаю тело мое, дабы, проповедуя другим, самому не остаться недостойным" (1 Кор. 9, 27), а также в Послании к Галатам (5, 24): "Но те, которые Христовы, распяли плоть со страстями и похотями".

Однако, творя [добрые] дела, мы не должны думать, что ими человек оправдывается пред Богом, ибо вера, являющаяся единственной праведностью пред Богом, не выносит этой лжи. Мы должны при этом понимать, что такие дела принижают и подчиняют плоть, очищая ее от ее злых похотей, и наша цель полностью должна состоять в изгнании похотей. Поскольку верой душа очищена и в нее привнесена любовь к Богу, она желает, чтобы все сущее, и особенно ее собственное тело, было очищено, чтобы все это присоединилось к ее любви по отношению к Богу и прославлению Его. Следовательно, человек не может вести праздную жизнь, ибо нужда плоти управляет им и он вынужден творить множество добрых дел для того, чтобы поработить ее. Тем не менее, дела, сами по себе, не оправдывают человека перед Богом, но он творит дела из непосредственной, естественной любви и покорности Богу, не принимая во внимание ничего, кроме одобрения Божьего, Кому он скрупулезно повинуетея во всем.

Так что каждый может без труда уяснить для себя степень, как говорится, "истязания плоти", потому что он должен поститься, бдеть и трудиться столько, сколько считает достаточным для подавления сладострастия и похотей своей плоти. Те же, кто собираются оправдаться делами, озабочены не умерщвлением своих похотей, но только делами, — делами, самими по себе, —полагая при этом, что если они совершат столько добрых дел, сколько это только возможно (и настолько великих, насколько это только возможно), то они поступят правильно и обретут праведность. Порой они забивают себе этим голову и даже губят себя, или, по меньшей мере, напрасно тратят физические силы на свои бесполезные дела. Когда человек пытается оправдаться и получить спасение делами без веры — это величайшая глупость и проявление полнейшего невежества в христианской жизни и вере.

Для того, чтобы было легче понять сказанное, рассмотрим следующие аналогии. Нам следует относиться к делам христианина, который оправдан и спасен верой по милости Божьей, точно так же, как мы относились бы к делам, совершаемым Адамом и Евой, а также их потомками в Едемском саду, если бы они не согрешили. В Книге Бытие 2 [15] мы читаем, что "взял Господь человека, и поселил его в саду Едемском, чтобы возделывать его и хранить его". Бог сотворил Адама праведным, честным и безгрешным, и Адам не нуждался в оправдании путем возделывания и хранения сада; но он не мог бездельничать, Господь поставил перед ним задачу — он должен был возделывать и хранить сад. Эта работа воистину была самой свободной из всех, когда-либо существующих работ, она исполнялась только для того, чтобы угодить Богу, а не для обретения праведности, которую Адам уже имел в полной мере и которая могла бы стать первородным правом для всех нас.

Дела верующего подобны этому. Через свою веру он был восстановлен в Раю и рожден заново [23], он не нуждается в таких делах, которые сделали бы его праведным, или поддерживали бы в нем праведность; но, для того, чтобы он не мог вести праздную жизнь, чтобы он обеспечивал потребности своей плоти, он должен совершать эти дела добровольно — с единственной целью — угодить Богу. Поскольку, однако, мы не восстановлены полностью и наша вера и любовь пока еще не совершенны, они должны укрепляться и возрастать, но не внешними делами, а сами.

Второй пример: епископ, во время освящения церкви, конфирмации детей или исполнения других своих обязанностей, не становится епископом потому, что он делает все эти дела. В самом деле, если бы он сначала не был посвящен в епископский сан, то ничто из того, что он делает, не было бы действительным. Все это было бы глупостями, ребячеством и фарсом. Так и христианин, который освящается своей верой, творит добрые дела, но эти дела не делают его более святым, и он не становится более зрелым христианином, потому что эту

работу выполняет только вера. И если бы человек прежде не стал верующим и христианином, все его дела не привели бы ни к чему и действительно являлись бы порочными и достойными проклятия грехами.

Таким образом, истинны следующие утверждения: "Добрые дела не делают доброго человека, но добрый человек творит добрые дела; злые дела не делают злого человека, но злой человек творит злые дела". Следовательно, всегда необходимо, чтобы сам человек, по сущности своей, был добрым, прежде чем смогут появиться какие-то добрые дела, и эти добрые дела следуют после того, как человек стал добрым, и происходят от него, как и Христос говорит: "Не может дерево доброе приносить плоды худые, ни дерево худое приносить плоды добрые" (Мф. 7, 18). Ясно, что не плоды "приносят дерево" и что дерево не растет на плодах, но напротив — дерево приносит плоды и плоды растут на деревьях. Таким образом, как необходимо, чтобы деревья существовали до того, как у них появятся плоды, и как плоды не делают деревья ни плохими, ни хорошими, но скорее наоборот, — каковы деревья, таковы и приносимые ими плоды, так и человек должен быть сначала добрым или злым, прежде чем он творит добрые или злые дела, и эти дела человека не делают его ни хорошим, ни плохим, но он сам делает их хорошими или плохими.

Иллюстрации этой истины можно найти повсеместно. Хороший или плохой дом не делает хорошего или плохого строителя; но хороший или плохой строитель строит соответствующий дом. Или, говоря в общем, работа никогда не делает работника по своему подобию, но работник делает работу в соответствии с тем, каков он сам. Так же все обстоит и с делами человека. Каков человек — верующий или неверующий, — таковы и его дела — добрые, если они совершены в вере, либо порочные, — если они совершены в неверии. Обратное, — то есть утверждение о том, что дела, мол, формируют человека, делая его верующим или неверующим, — ошибочно. Как от дел человек не становится верующим, так от дел он не становится и праведным. Но как вера делает человека верующим и праведным, так вера и творит добрые дела. Тогда, поскольку дела никого не оправдывают, и человек должен стать праведным до того, как он совершает какое-то доброе дело, совершенно очевидно, что только вера, по милости Божьей, через Христа и Слово Его, подобающим образом оправдывает и спасает человека. Христианин не нуждается ни в каких делах и законах для того, чтобы обрести спасение, поскольку через веру он свободен от всякого закона и делает все добровольно и свободно. Он не ищет ни выгоды, ни спасения, поскольку он уже обладает всем и спасен по милости Божьей, благодаря своей вере, и теперь он стремится лишь только угодить Богу.

Более того, никакое доброе дело не способствует оправданию или спасению неверующего. С другой стороны, никакое порочное дело не приносит ему проклятия и не делает его злым, но неверие порождает то, что человек творит злые дела, заслуживающие всяческого осуждения. Следовательно, то, что человек хорош или плох, не является результатом его дел, но является следствием веры или неверия, как говорит мудрец: "Начало гордости — удаление человека от Господа... начало греха — гордость", и это происходит от неверия. И Павел говорит в Послании к Евреям 11[6]: "... Ибо надобно, чтобы приходящий к Богу веровал...", и то же самое говорит Христос: "Или признайте дерево хорошим и плод его хорошим; или признайте дерево худым и плод его худым..." (Мф. 12,33), говоря как будто: "Пусть тот, кто хочет иметь добрый плод, сначала посадит хорошее дерево". Итак, пусть те, кто хотят творить добрые дела, начнут не с дел, а с того, что уверуют, ибо ничто не делает человека хорошим, кроме веры, и ничто не делает человека плохим, кроме неверия.

Действительно, в глазах людей человек считается хорошим или плохим — по своим делам; но это означает лишь то, что в человеке узнают хорошего или плохого по тому критерию, какие дела он совершает, как Христос говорит в Евангелии от Матфея 7[120]: "Итак по плодам их узнаете их". Все это, однако, остается на поверхности, и очень многие обманулись этой внешней наружностью, бросились писать и учить о добрых делах, которыми мы, мол, можем быть оправданы, безо всякого даже упоминания о вере. Они идут этим путем, заблуждаясь и вводя в заблуждение других (2 Тим. 3, 13), добиваясь успехов,—

правда, в худшую сторону, —слепые вожди слепых, обременяющие себя многими делами и, тем не менее, так и не достигшие истинной праведности (Мф. 15, 14). О таких людях Павел говорит во 2-м Послании к Тимофею 3 [5, 7]: "Имеющие вид благочестия, силы же его отрекшиеся..." и: "... всегда учащихся и никогда не могущих дойти до познания истины".

Таким образом, всякий, кто не хочет блуждать вместе с этими слепцами, должен смотреть глубже на то, что стоит за делами, за законами и доктринами о добрых делах. Отвернувшись от дел, он должен взглянуть на человека и спросить — чем он оправдывается. Ибо человек оправдывается и обретает спасение не делами или законами, но Словом Божиим, то есть обетованием Его милости, и верой в то, что вся слава принадлежит Богу, Который спасает нас не по делам праведности, которые бы мы сотворили (Тит. 3, 5), но добродетелью Его милости, словом Его благодати, когда мы уверовали (1 Кор. 1, 21). Отсюда легко понять, насколько следует отвергать или признавать добрые дела, и по каким критериям должны оцениваться все человеческие учения о добрых делах. Если дела представляются как некое "средство достижения" праведности, обременены этим "превратным левиафаном" [24] и исполняются с намерением оправдаться ими, то этим они возводятся в ранг необходимости и в таком случае свобода и вера разрушены. И это приводит к тому, что они перестают быть добрыми, превращаясь в порочные, достойные порицания деяния. Они [тогда] не являются свободными и порочат благодать Божью, поскольку прерогатива оправдывать и спасать верой принадлежит только благодати Божьей. Дела в этом случае — по нашей самонадеянной глупости — претендуют на исполнение того, что они не имеют силы делать, присваивая себе тем самым славу и благодать. Мы не отвергаем всем вышеперечисленным добрые дела, наоборот, мы лелеем их и учим им, насколько это только возможно. Мы не осуждаем их сами по себе, но отвергаем извращенное представление о том, что следует добиваться праведности через них, ибо это извращает и делает порочной сущность дел, как бы хорошо они ни выглядели при этом внешне. Они вводят людей в заблуждение и заставляют их обманывать друг друга, подобно волкам в овечьей шкуре (Мф. 7, 15).

Но этого левиафана — это извращенное понятие о делах, — нельзя победить там, где нет веры. Эти "святые по делам" не могут избавиться от своего ошибочного мнения до тех пор, пока вера — его разрушитель — не приходит и не начинает править их сердцами. Плоть не может избавиться от этого и даже признать это, она скорее рассматривает это как признак святейшей воли. Если к этому извращенному понятию, с "помощью" заблуждающихся учителей, добавляется еще влияние традиций и обрядов, подтверждающее и укрепляющее его, то оно превращается в неискоренимое зло и вводит в заблуждение бесчисленное множество людей, причиняя им огромный ущерб и лишая их всякой надежды на возрождение. Таким образом, хотя это и хорошо — проповедовать и писать о покаянии, исповедании и искуплении грехов ", наше учение несомненно ошибочно и происходит от дьявола, если мы останавливаемся на этом и не продолжаем учить о вере.

Христос, подобно своему предтече Иоанну Крестителю, сказал не только "Покайтесь" (Мф. 3, 2; 4, 17), но добавил слово веры: "Приблизилось Царство Небесное". Мы не должны останавливаться на одном из этих слов Божьих, но проповедовать их оба; мы должны провозглашать и то старое и то новое, что имеется в нашей сокровищнице: как голос закона, так и слово благодати (Мф. 13, 52). Мы должны провозглашать голос закона для того, чтобы люди могли исполниться страха и прийти к осознанию своих грехов, и, таким образом, обратиться к покаянию и лучшей жизни. Но мы не должны останавливаться на этом, ибо в противном случае это будет подобным ранению без перевязки раны, поражению без исцеления, убийству без воскрешения, схождению в преисподнюю без обратного восхождения, уничтожению без превознесения. Таким образом, мы должны также проповедовать слово милости и обетование о прощении, которым воздвигается вера. Без этого слова милости, все дела закона, сокрушение, раскаяние и все остальное, что делается и чему учат, — все это тщетно.

Проповедники покаяния и милости сохранились и до наших дней, но они не объясняют

закон Божий и обещают при этом, что человек может познать от них источник покаяния и милости. Покаяние происходит от закона Божьего, но вера и благодать — от обетования Божьего, как сказано в Послании к Римлянам 10[17]: "Итак вера от слышания, а слышание от слова Божия". Соответственно, человек утешен и возвышен верой в божественное обетование после того, как он был уничижен и приведен к познанию себя путем угроз и страха пред божественным законом. Таким образом, мы читаем в Псалме 29 [6]: "Вечером водворяется плач, а на утро радость".

Пожалуй, этого достаточно о делах вообще и о делах, которые христианин творит для себя. В заключение давайте поговорим также о делах, которые христианин творит ради ближнего своего. Человек живет не только для себя одного и не только для своего смертного тела, он живет также для всех людей на земле; скорее даже, он живет только для других, а не для себя. Он подчиняет [смиряет] свою плоть с тем, чтобы иметь возможность более искренне и свободно служить другим, как Павел говорит в Послании к Римлянам 14 [7—8]: "Ибо никто из нас не живет для себя и никто не умирает для себя, а живем ли—для Господа живем, умираем ли—для Господа умираем". Он не может в этой жизни бездействовать по отношению к ближним своим, — ибо он непременно будет говорить с людьми, общаться или обмениваться с ними представлениями, подобно Христу, Который, по виду став как человек (Филипп. 2, 7), "явился на земле и общался между людьми", как об этом сказано в Книге Варуха 3 [38].

Человек, однако, ни в чем этом не нуждается для своей праведности и спасения. Таким образом, он должен направляться во всех своих делах этой мыслью и иметь в виду только то, что он может служить и приносить пользу другим во всем, что делает, не принимая во внимание ничего, кроме нужды ближнего своего и пользы для него. Соответственно, апостол заповедует нам трудиться, "делая своими руками полезное" так, чтобы мы могли дать нуждающимся, хотя он мог бы сказать, что нам следует работать для того, чтобы обеспечивать себя. Он говорит, однако: "чтоб было из чего уделять нуждающемуся" (Ефес. 4, 28). Это то, что составляет основу христианских дел, чтобы, имея утешение, мы могли трудиться, обретать и откладывать средства, помогая тем, кто нуждается, чтобы таким образом сильные члены могли служить слабым, и мы могли быть сынами Божьими, каждый заботясь о другом и трудясь для него, нося бремена друг друга и исполняя тем самым закон Христов (Гал. 6, 2). В этом заключается истинная Христианская жизнь. Здесь вера действительно действительна через любовь (Гал. 5, 6), то есть она находит выражение в делах свободнейшего служения человека другому, служения добровольного, с радостью и любовью, без всякой "задней мысли" о вознаграждении, удовлетворяясь при этом полнотой и богатством своей веры.

Поэтому Павел, после наставления Филиппинцев о том, насколько они богаты через веру во Христа, — веру, в которой они обрели все, — говорит им: "Итак, если есть какое утешение во Христе, если есть какая отрада любви, если есть какое общение духа, если есть какое милосердие и сострадательность, то дополните мою радость: имейте одни мысли, имейте ту же любовь, будьте единомысленны и единомысленны; ничего не делайте по любопрению или по тщеславию, но по смиренномудрию, почитайте один другого высшим себя. Не о себе только заботься, но каждый и о других" (Филипп. 2, 1—4). Здесь мы отчетливо видим, что апостол заповедует это в качестве правила христианской жизни; то есть мы должны творить все наши дела во имя благополучия других, поскольку каждый имеет столь огромные богатства в своей вере, что все его остальные дела и вся его жизнь являются просто остатком, или излишком, которым он добровольно и великодушно делится с ближним своим, — т. е. служить ему и делать ему добро.

В качестве примера апостол приводит Христа: "Ибо в вас должны быть те же чувствования, какие и во Христе Иисусе: Он, будучи образом Божиим, не почитал хищением быть равным Богу; но уничижил Себя Самого, приняв образ раба, сделавшись подобным человекам и по виду став как человек; смирил Себя, быв послушным даже до смерти..." (Филипп. 2, 5—8). Это благотворное апостольское слово было затуманено для нас теми, кто

вовсе не понимает таких его слов, как: "образ Божий", "образ раба", "подобный человекам", "по виду как человек" и применено ими к божественной и человеческой природе. Павел имеет в виду следующее: хотя Христос был исполнен образа Божьего и обладал в достатке всеми благодетелями, не нуждаясь ни в делах, ни в страданиях для обретения праведности и спасения (ибо Он имел все это извечно), тем не менее Он не возгордился этим и не превознесся над нами, и не стал высокомерным по отношению к нам, хотя Он по праву мог бы это сделать. Но, напротив, Он жил, трудился, страдал и умер так, чтобы уподобиться другим людям, — и по виду и по поступкам быть просто человеком — так, как будто Он имел нужду во всем этом и как будто Он не имел в Себе образа Божьего. Но Он делал все это ради нас, чтобы послужить нам, и чтобы все, чего Он достиг в этом облике раба, могло стать нашим.

Так и христианин, подобно Христу, своему главе, исполнен и обогащен верой и должен быть удовлетворен тем образом Божьим, который он получил через веру. Но при этом, как я уже говорил, он должен усиливать свою веру, пока она не станет совершенной. Ибо его вера — это его жизнь, его праведность и его спасение: она спасает его и делает его приемлемым [для Бога], и дарует ему все, что принадлежит Христу, как уже было сказано выше и как утверждает Павел в Послании к Галатам 2 [20]: "А что ныне живу во плоти, то живу верою в Сына Божия". Хотя христианин, таким образом, свободен от всех дел, ему следует в этой свободе опустошать себя, принять образ раба, сделаться подобным человекам и по виду стать как человек, и служить, помогать и всячески соотноситься с ближними своими, по примеру Бога, Который через Христа соотносился и по сей день соотносится с ним. Это он должен делать свободно, не принимая во внимание ничего, кроме одобрения Божьего.

Он должен размышлять так: "Хотя я и недостойный, подлежащий осуждению человек, мой Бог даровал мне во Христе все богатства праведности и спасение, без всяких заслуг с моей стороны, исключительно из милости Своей, так, что теперь я не нуждаюсь ни в чем, кроме веры в то, что это истинно. Почему бы мне тогда с радостью и охотой, от всего сердца не делать то, что, как я знаю, угодно и приемлемо для такого Отца, Который столь обильно наделил меня Своими бесценными богатствами? Тогда я посвящу себя ближнему своему, как Христос предложил Себя мне; я не буду делать в этой жизни ничего, кроме того, что, как я вижу, необходимо, полезно и благотворно для ближнего моего, поскольку через веру я имею изобилие всех благ во Христе".

Таким образом, от веры проистекают любовь и радость в Господе, а от любви — радостное и свободное состояние разума, которое обуславливает охотное служение человека ближнему своему и не считается с такими явлениями, как благодарность или неблагодарность, хвала или порицание, обретение или потеря. Ибо человек служит не для того, чтобы чем-то обязать других. Он не делает различий между друзьями и врагами и не думает о том, останутся ли они ему благодарны или нет, но он безвозмездно и охотно отдает себя и все, что он имеет, независимо от того — заслуживает ли он этим награду, или же исполняет неблагодарную работу. Как Отец распределяет все блага обильно и безвозмездно, повелевая "солнцу Своему восходить над злыми и добрыми" (Мф. 5, 45), так и сын исполняет и сносит все с той бескорыстной радостью, которая доставляет ему удовольствие, когда через Христа он видит это в Боге — в Том, Кто дарует столь великие блага.

Таким образом, если мы признаем те великие и драгоценные дары, которые даны нам, наши сердца, как говорит Павел в Послании к Римлянам (5, 5), будут исполнены Духом Святым любовью, которая делает нас свободными, радостными, всемогущими тружениками и победителями над всеми скорбями, рабами ближних наших, и, при этом, все же, господами над всем сущим. Для тех же, однако, кто не признает даров, приносимых им через Христа, Христос родился напрасно; они идут своим путем, исполняя свои дела, и никогда не испытают ничего этого. Точно так же, как ближний наш пребывает в нужде и недостатке того, что мы имеем в изобилии, так и мы были в нужде пред Богом, испытывая нехватку Его благодати. Следовательно, как наш Небесный Отец, во Христе, бескорыстно пришел к нам на помощь, так же и мы должны бескорыстно помогать ближнему своему, используя свою

плоть и ее дела, и каждый должен стать как бы Христом для другого, чтобы мы могли быть Христами друг для друга и Христос мог быть един во всех, то есть чтобы мы могли быть истинными христианами.

Кто же тогда может объять разумом своим богатства и славу христианской жизни? Она может все, и все имеет, и не нуждается ни в чем. Она господствует над грехом, смертью и адом, и тем не менее, в то же время она служит и приносит пользу всем людям. Но, увы, в наши дни такая жизнь неизвестна в мире. Она не проповедуется и к ней, не стремятся. Нам ничего не известно о нашем собственном имени и мы не знаем, почему мы христиане или носим имя христиан. Конечно, мы названы в честь Христа не потому, что Он отсутствует среди нас, но потому, что Он обитает в нас, то есть мы веруем в Него и являемся [как бы] Христами друг для друга, поступая по отношению к ближнему нашему так, как Христос поступает с нами. Но в наше время человеческие доктрины не учат нас стремиться к обретению чего-то иного, кроме как собственной выгоды и награды. Из Христа же мы сделали такого "надзирателя", еще более сурового, чем Моисей.

Выдающийся пример веры мы имеем в благословенной Деве. Как написано в Евангелии от Луки 2 [22], она была очищена, по закону Моисееву, в соответствии с обычаем, по которому очищались все женщины, хотя она и не была связана тем законом и не нуждалась в очищении. Исключительно из бескорыстной любви, однако, она покорилась закону, подобно другим женщинам, чтобы не нанести им оскорбления и не отнестись к ним пренебрежительно. Она не была оправдана этим делом, но, будучи праведной, исполнила его охотно и бескорыстно. Так же должны исполняться и наши дела, не потому, что мы можем оправдаться ими, поскольку, будучи еще до того оправданы верой, мы должны исполнять все бескорыстно и радостно, ради других.

Св. Павел также обрезал своего ученика Тимофея, не потому что обрезание было необходимо для его праведности, но чтобы он не нанес оскорбления и не отнесся пренебрежительно к Иудеям, которые были немощны в вере и не могли пока еще осмыслить свободы веры. Но, с другой стороны, когда они презрели свободу веры и стали настаивать на том, что обрезание необходимо для обретения праведности, он противостоял им и не позволил совершить обряд обрезания Титу (Гал. 2 [3]). Как он не желал оскорбить или презреть немощную веру кого-либо и временно уступал воле этого человека, точно так же он не желал того, чтобы свобода веры презиралась или ущемлялась людьми, отстаивающими необходимость добрых дел для обретения праведности. Он выбрал компромисс, бережно относясь к немощным, но всегда противостоя упрямым, для того, чтобы всех обратить в свободу веры. Мы также должны усердно поддерживать немощных в вере, как сказано в Послании к Римлянам 14 [1]. Однако нам следует твердо противостоять учителям, упрямо отстаивающим добрые дела как средство спасения. К этому мы вернемся позже.

Также и Христос, в Евангелии от Матфея 17 [24—27], когда от Его учеников потребовали дань [26], спросил у Петра — не свободны ли царские сыны от уплаты податей, и Петр согласился с Ним, что действительно свободны. Тем не менее, Христос велел Петру пойти на море и сказал: "Но чтобы нам не соблазнить их, пойдешь на море, брось уду, и первую рыбу, которая попадется, возьми; и, открыв у ней рот, найдешь статир; возьми его и отдай им за Меня и за себя". Этот случай прекрасно иллюстрирует рассматриваемый вопрос, потому что Христос называет здесь Себя и тех, кто является чадами Его, царскими сынами — людьми, ни в чем не нуждающимися; и, тем не менее, он добровольно подчиняется и платит дань. Насколько необходимо это дело было для праведности Христовой или Его спасения, столько же все остальные Его дела или дела Его последователей способствуют достижению праведности, поскольку все они следуют за праведностью, добровольны, бескорыстны и совершаются только для того, чтобы служить другим и подавать им пример добрых дел.

О том же гласят и назидания, которые Павел дает в Послании к Римлянам 13 [1—7], а именно, что христиане должны быть покорны властям и готовы исполнять любое дело, не для того, чтобы таким образом оправдаться, поскольку они уже праведны верой, но для того, чтобы в свободе Духа они, делая так, служили другим, в том числе и властям, и

повиновались их воле добровольно и из любви. Дела всех духовных объединений, монастырей и священников должны быть именно такими. Каждый должен совершать добрые дела в соответствии со своим вероисповеданием и положением не потому, что ими он может добиваться праведности, но потому, что ими он может сдерживать свою плоть, быть примером для других, кто также нуждается в сдерживании своей плоти, и, наконец, чтобы такими делами он мог покорить свою волю воле других в свободе любви. Но всегда нужно проявлять исключительную осторожность, чтобы никто не вообразил, что может быть оправдан этими делами, или обрести какие-то заслуги, или спастись, ибо это работа веры и только веры, как я уже многократно говорил.

Любой, кто знает это, может без труда разобраться в бесчисленных документах и предписаниях папы, епископов, монастырей, церквей, князей и должностных лиц— документов, о которых некоторые пасторы утверждают, что они необходимы для обретения праведности и спасения, называя их "предписаниями церкви", хотя они не имеют с этим ничего общего. Потому что христианин, будучи свободным человеком, скажет: "Я буду поститься, молиться, делать все, что велят люди, не потому, что это необходимо для моей праведности и спасения; но чтобы проявить должное уважение по отношению к папе, епископу, общине или ближнему своему и показать им пример. Я буду исполнять все и все перенесу, как Христос, который сделал и пострадал гораздо больше для меня, хотя Он и не нуждался ни в чем этом для Себя Самого, и подчинился закону ради меня, будучи неподвластен закону". Хотя тираны совершают насилие или выдвигают несправедливые требования, тем не менее это не причиняет никакого ущерба до тех пор, пока они не восстанут против Бога.

На основе сказанного каждый может выработать надежное суждение о всех делах и законах и верно отличить слепого и невежественного пастора от доброго и истинного. Любое дело, совершаемое не для того, чтобы только смирить свою плоть, или не для того, чтобы послужить ближнему своему, если он не просит чего-то такого, что направлено против Бога, не является добрым или христианским. По этой причине я боюсь того, что в наше время существует очень мало или вообще не существует школ, монастырей, алтарей и церквей, которые действительно являются христианскими, а также [настоящих] постов и молитв в дни святых. Я боюсь, что во всем этом мы ищем только выгоду для себя, думая, что через это мы избавляемся от наших грехов и что в них мы находим спасение. Таким образом христианская свобода полностью погибает. Это следствие нашего невежества в христианской вере и свободе.

Очень многие [духовно] слепые пасторы прилагают массу усилий, чтобы поддержать это невежество и подавление свободы. Они всячески побуждают людей к подобным действиям, восхваляя такие дела, раздувая их своими индульгенциями и никогда не учат о вере. Однако, если вы хотите молиться, поститься или же положить основание в церкви, я советую вам быть осторожными, чтобы не делать этого с мыслью о том, что вы получите какую-то выгоду, будь она преходящая или вечная, ибо в этом случае вы повредите своей вере, которая лишь одна предлагает вам все это. Единственная ваша забота должна заключаться в том, чтобы вера могла возрастать — будь это в делах или в страданиях. Делайте бескорыстные дары, чтобы другие могли получить пользу от них и процветать благодаря вам и вашей доброте. В этом случае вы действительно будете добропорядочным христианином. Какая польза вам от тех добрых дел, в которых вы не нуждаетесь для смирения своей плоти? Вам вполне достаточно веры, через которую Бог даровал вам все.

Итак, согласно этому правилу, все хорошее, что мы имеем от Бога, должно проистекать от одного к другому и быть общим для всех, так, чтобы каждый мог как бы "облачиться" в ближнего своего и таким образом, служить ему, как будто это он сам находится на его месте. От Христа все доброе проистекло и по сей день проистекает к нам. Он так "облачился" в нас, как будто это мы в самом деле были на Его месте. От нас же это проистекает к тем, кто в этом нуждается, так что я могу как бы предъявить Богу свою веру и свою праведность, чтобы покрыть и ходатайствовать ими за грехи ближнего моего, которые я беру на себя, и чтобы

они могли так действовать по отношению к этим грехам, как будто эти грехи — мои собственные. Это то, что Христос совершил для нас. Это истинная любовь и истинное правило христианской жизни. Любовь является истинной и искренней там, где существует истинная и искренняя вера. Следовательно, апостол говорит о любви в 1-м Послании к Коринфянам [13:15], что она "не ищет своего".

Мы заключаем, таким образом, что христианин живет не в себе самом, но во Христе и в ближнем своем. В противном случае, он не христианин. Он живет во Христе верой, в ближнем же своем — любовью. Верой он восходит к Богу через себя. Любовью он через себя нисходит к ближнему своему. И все же он всегда остается в Боге и в Его любви, как сказал Христос в Евангелии от Иоанна 1 [51]: "Истинно, истинно говорю вам: отныне будете видеть небо отверстым и Ангелов Божиих восходящих и нисходящих к Сыну Человеческому".

На этот раз достаточно о свободе. Как видите, это духовная и истинная свобода, и она делает наши сердца свободными от всех грехов, законов и заповедей, как Павел говорит в 1-м Послании к Тимофею 1 [9]: "... закон положен не для праведника". Она превосходней, чем любая другая, внешняя свобода, подобно тому, как Небеса превосходней земли. Да дарует нам Христос эту свободу, чтобы мы могли ее понять и сохранить. Аминь.

Наконец, необходимо добавить еще кое-что ради тех, о ком ничего невозможно сказать настолько хорошо, чтобы они поняли это не извращенно. Сомнительно, поймут ли они даже то, что будет сказано здесь. Очень многие, услышав об этой свободе веры, немедленно обращают ее в повод для плоти, полагая, что теперь им все позволено. Они стремятся показать, что теперь они свободные люди и христиане только лишь тем, что презирают и не исполняют обряды, традиции и человеческие законы; как будто они являются христианами потому, что не постятся или едят мясо в установленные дни, когда другие постятся, или потому, что они не используют традиционные молитвы и, отвернув нос, презрительно насмеются над человеческими предписаниями, хотя при этом они неуважительно относятся и ко всему остальному, что [действительно] относится к Христианству. Их полной противоположностью являются те, кто для своего спасения всецело полагаются на соблюдение обрядов, как будто они могут быть спасены потому, что в установленные дни они постятся, или воздерживаются от мяса, или произносят определенные молитвы. Они превращают предписания церкви или [ее] отцов в предмет гордости и ни в малейшей степени не заботятся о том, что составляет сущность нашей веры. Ясно, что и те и другие заблуждаются, потому что упускают то, что является намного более существенным для спасения, и поднимают столько шума о второстепенных и малозначительных вещах.

Насколько же лучше учение апостола Павла, который побуждает нас выбрать "золотую середину" и осуждает обе крайности, говоря: "Кто ест, не унижай того, кто не ест; и кто не ест, не осуждай того, кто ест" (Рим. 14, 3). Здесь вы видите, что те, кто неуважительно относятся к обрядам не по вере и убеждению, а лишь из чистого презрения, осуждаются, поскольку апостол учит не относиться к ним пренебрежительно. Такие люди превозносятся над другими, выставляя напоказ свое знание. С другой стороны, он учит тех, кто настаивает на исполнении обрядов, не судить других, ибо ни одна из этих сторон не поступает по отношению к другой по любви, которая назидает. По этой причине нам следует слушать Писание, которое учит, что мы не должны отступать ни направо, ни налево (Втор. 28, 14), но исполнять "повеления Господа", Который праведен,—повеления, которые "веселят сердце" (Пс. 18, 9). Как человек не становится праведен потому, что творит [добрые] дела и исполняет обряды, точно так же он не становится праведен только лишь от того, что пренебрегает ими и презирает их.

Наша вера во Христа освобождает нас не от дел, но от ложного отношения к делам — от глупой предпосылки о том, что оправдание достигается делами. Вера избавляет, исправляет и сохраняет наше сознание, так что мы знаем, что праведность не состоит в делах, хотя дела не могут и не должны отсутствовать, точно так, как мы не можем обходиться без пищи и питья и всех дел, свойственных этому смертному телу, хотя наша праведность заключается не в них, но в вере. И тем не менее, этими делами плоти не следует

пренебрегать. В этом мире мы связаны потребностями своей плотской жизни, но мы не становимся праведными благодаря им. "Царство Мое не от мира сего" (Ин. 18, 36),—говорит Христос. Но Он не говорит, однако, что "Царство Мое не здесь, то есть не в этом мире". И Павел говорит: "Ибо мы, хотя во плоти, не по плоти воинствуем" (2 Кор. 10, 3), а также в Послании к Галатам 2 [20]: "А что ныне живу во плоти, то живу верою в Сына Божия". Таким образом, то, что мы делаем, — вся наша жизнь, все дела и обряды, — все это является потребностями этой жизни и обусловлено попыткой смирения своей плоти. Тем не менее, мы праведны не по всему этому [27], но по вере в Сына Божьего.

Следовательно, христианин должен выбрать компромиссный путь и поставить "лицом к лицу" приверженцев двух этих крайностей. Сначала он встретит несговорчивых и упрямых исполнителей обрядов, которые, подобно "глухим аспидам", не желают слушать освобождающую истину (Пс. 57, 5), но, не имея веры, бахвалятся своими церемониями, предписывают их [всем] и настаивают на их исполнении, считая их средством оправдания. Таковы иудеи прошлого, не желавшие слушать о том, как поступать правильно. Этим [людям] он должен противостоять, поступая не так, как они требуют, но наоборот, и дерзко и открыто критиковать их, иначе они своими безбожными воззрениями втянут многих в заблуждение. В присутствии таких людей даже полезно есть мясо, нарушая посты, и, ради свободы веры, совершать то, что они считают великими грехами. О таких мы должны сказать: "Оставьте их, они слепые вожди". Действуя именно из таких соображений, Павел не совершил обряда обрезания над Титом, когда иудеи настаивали на этом (Гал. 2, 3), и Христос оправдал Своих учеников, когда они в субботу "взлкали и начали срывать колосья и есть" (Мф. 12, 1—8). Подобных примеров много. Другая разновидность людей, с которой сталкивается христианин,—это бесхитростные, невежественные люди, немощные в вере, — как их называет апостол, которые не могут пока еще осмыслить свободу веры, даже если бы они и захотели это сделать (Рим. 14, 1). К таким людям нужно подходить осторожно, чтобы не оскорбить их чувств. Следует уступать их слабостям до тех пор, пока они не укрепятся в вере. Поскольку они думают и поступают по-своему не от того, что упрямствуют в своих пороках, но лишь только потому, что их вера слаба, посты и все другое, что они считают необходимым, должны соблюдаться, чтобы не оскорбить их. Это заповедь любви, которая никому не повредит, но может послужить всем людям. Эти люди слабы не по своей вине, но по вине своих пасторов, которые повергли их в рабство обрядов и недостойно использовали эти обряды в качестве "розги" для их избияния. Они должны быть избавлены от этих пасторов путем преподавания им веры и свободы. Так и апостол учит в Послании к Римлянам 14: "Лучше не есть мяса, не пить вина и не делать ничего такого, от чего брат твой претыхается..." (Сравн. Рим. 14, 21 и 1 Кор. 8, 13), и еще: "Я знаю и уверен в Господе Иисусе, что нет ничего в себе самом нечистого; только почитающему что-либо нечистым, тому нечисто" (Рим. 14, 14).

По этой причине, хотя мы и должны решительно противостоять "учителям обрядов" и подвергать тщательному пересмотру законы пап, которыми они грабят народ Божий, тем не менее, мы должны щадить то робкое множество [людей], которое эти безбожные тираны держат в рабстве подобными своими законами, — щадить их до тех пор, пока они не освободятся. Таким образом, усердно сражайтесь против волков, но за стадо, а не против него. Это вы будете делать, если будете яростно нападать на законы и законодателей и в то же время соблюдать законы вместе со слабыми, чтобы не оскорбить их чувств, до тех пор, пока они также не распознают тиранию и не поймут своей свободы. Если вы хотите использовать свою свободу, делайте это в тайне, как Павел говорит в Послании к Римлянам 14 [22]: "Ты имеешь веру? имей ее сам в себе, пред Богом"; но будьте внимательны, чтобы не использовать свою свободу перед слабыми. С другой стороны, используйте свою свободу постоянно и настойчиво перед тиранами и упрямцами — наперекор им, — чтобы они также могли познать, что они нечестивы, что их законы ничего не дают для праведности и что они не имеют права устанавливать их.

Поскольку мы не можем прожить свои жизни без обрядов и дел, и капризная,

испорченная и необученная молодежь нуждается в этих узах для обуздания и сохранения от пороков, и поскольку каждый [человек] должен обуздывать свою плоть такими делами, необходимо, чтобы служитель христов был дальновидным и верным. Ему следует так управлять христианами и так их учить всему этому, чтобы не оскорбить их сознание и веру, и чтобы в них не произросли подозрение и горький корень, и чтобы все это не осквернило их, как Павел увещевает нас в Послании к Евреям (12, 15). То есть чтобы они не потеряли веры и не осквернились ложным представлением о значении дел, думая, что им надлежит оправдаться делами. Если вера не преподается постоянно, то такое случается очень легко и оскверняет очень многих, что происходило до сих пор через пагубные, безбожные, губящие душу обряды наших пап и воззрения наших теологов. Всем этим несчетное множество душ было затянута в ад, так что вы можете видеть в этом деяния антихриста.

Говоря кратко, как богатством испытывается бедность, выгодной сделкой испытывается верность, почестями испытывается униженность, празднествами испытывается умеренность, удовольствиями испытывается целомудрие, так обрядами и церемониями испытывается праведность веры. "Может ли кто, — спрашивает Соломон, — взять себе огонь в пазуху, чтобы не прогорело платье его?" Да, как человек должен жить в богатстве, почестях, удовольствиях, как он должен участвовать в выгодных сделках и празднествах, так он должен жить и среди обрядов, то есть среди опасностей. В самом деле, младенцы, чтобы не погибнуть, должны быть выношены в утробе и вскормлены в руках сиделок, однако их жизнь ставится под угрозу, если, после того как они подросли, их оставляют на попечение все тех же сиделок. Точно так же неопытная и упрямая молодежь нуждается в сдерживании и обучении "железными прутьями" обрядов, иначе необузданный пыл поведет их от одного порока к другому. С другой стороны, если постоянно держать их в рабстве обрядов, утверждая, что это принесет им оправдание, то это также окажется смертью для них. Скорее их следует учить так, чтобы они исполняли обряды не для того, чтобы стать праведными или обрести таким путем великие достоинства, но чтобы эти обряды сдерживали их от зла, чтобы их можно было легче наставить в праведности веры. Это невозможно сделать, если ничем не ограничивать импульсивность их юношеского характера.

Таким образом, обрядам должно уделяться такое же место в жизни христианина, какое модели и чертежи занимают в жизни строителей и ремесленников. Они создаются не в качестве постоянной, окончательной конструкции, но лишь потому, что без них ничего невозможно построить или создать. Когда строительство [основной] конструкции завершено, модели и чертежи откладываются в сторону. При этом отношение к ним не становится презрительным, скорее их просто перестают замечать; но если мы относимся к ним с презрением, то это неверная оценка их роли, поскольку никто не считает их настоящей и окончательной конструкцией.

Если какой-нибудь человек настолько глуп, что на протяжении всей своей жизни не заботится ни о чем, а лишь настойчиво разрабатывает дорогостоящие планы, модели и схемы, и никогда не задумывается о самой конструкции, и удовлетворен такой своей работой по производству этих планов, и гордится и хвастается ими, то разве все люди не испытывают жалости к нему, считая его душевно больным, и не думают, что из всего этого можно было бы построить нечто значительно большее? Таким образом, мы не относимся пренебрежительно к обрядам и делам и придаем им огромное значение; но мы презрительно относимся к ложной оценке дел, для того, чтобы никто не мог думать, что они являются истинной праведностью, как полагают те лицемеры, которые тратят и теряют целые жизни свои в усердных делах и никогда не достигают цели, ради которой все эти дела должны исполняться, о которых апостол говорит, как о "всегда учащихся и никогда не могущих дойти до познания истины" (2 Тим. 3, 7). Кажется, что они собираются строить, готовятся к этому, но тем не менее они никогда не строят. Таким образом, они "имеют вид благочестия", силы же его не имеют (2 Тим. 3, 5). Делая это, однако, они удовлетворены своими стараниями и даже смеют судить других — тех, от которых, как им кажется, "не исходит подобного сияния" добрых дел. Однако те дары Божьи, которые ими расточаются

понапрасну, они могли бы использовать, будучи исполнены верой, для многих великих достижений, к своему спасению и спасению других.

Поскольку человеческая природа и человеческий разум склонны к предрассудкам, то, когда людям предписывается исполнение добрых дел и законов, они легко воображают себе, что праведность должна достигаться таким путем. И далее, поскольку земные законодатели учат их тому же, для них становится невозможным спасение собственными силами от рабства дел, и они не могут сами прийти к познанию свободы веры. Таким образом, нужно молиться о том, чтобы Господь сделал нас theodidacti, то есть "наученными Богом" (Ин. 6, 45), и Сам, в соответствии с обетованием Своим, написал закон Свой в наших сердцах; в противном случае у нас нет надежды. Если Он Сам не учит нас этой сокровенной премудрости (1 Кор. 2, 7), то плоть может лишь осуждать это и считать это еретическим, потому что плоть оскорбляется этим и почитает это глупостью. И мы видим, что это происходило в древние времена с апостолами и пророками, и безбожные и слепые папы, вместе со своими льстецами так же поступают в отношении меня и подобных мне. Да будет Бог, наконец, милостив к ним и к нам, и осветит нас лицом Своим, чтобы мы познали на земле путь Его (Пс. 66, 2—3), спасение Его среди всех народов, да будет Он благословен во веки (2 Кор. II, 31). Аминь.